

Дж.Р.ТОЛКИЕН

ДЕРЕВО и ЛИСТ

Жил-был на свете маленький человек, и звали его Ниггл. Вскоре ему предстояло отправиться в далекий путь. Ох, как он не хотел уходить! От одной мысли об этом, ему делалось не по себе. Но что поделаешь! Ниггл знал, что все равно не сможет ничего изменить: настанет время, и придется-таки покинуть все, что его окружает, захватив лишь кое-что в дорогу. Ну, а пока время еще не настало, Ниггл старался, как мог, оттянуть сборы.

Был он художником, правда, не очень преуспевающим. Так уж вышло, может быть потому, что его всегда обременяло великое множество разных дел. Он справлялся с ними более или менее сносно, особенно, когда от этих дел не удавалось отказаться. А это случалось, по его мнению, слишком часто; законы в этой стране были суровые. Иногда сваливались разные другие неприятности, короче говоря, все это его ужасно отвлекало. Ну, а бывало, он просто так ничего не делал, бездельничал и все.

Сердце у Ниггла было по-своему доброе. Знаете таких добрых людей: они обычно долго мнутся, ворчат, нервничают, и молча (а иногда и нет) проклинают все на свете, и уж потом только что-нибудь сделают, если, конечно, сделают. И все же именно его доброе сердце бывало причиной того, что на бедного Ниггла сваливалась какая-нибудь работа. Чаще всего ему приходилось помогать своему хромому соседу, мистеру Пэришу, но случалось и кому-нибудь издалека, конечно, если они сами приходили просить об этом.

Иногда Ниггл вдруг вспоминал о предстоящем путешествии, начинал что-то укладывать, запихивать, но все без толку. В такие дни он совсем не мог рисовать.

В мастерской Ниггла стояло несколько картин. Все они были большие и уж слишком мудреные, явно не по силам их маленькому автору. Есть, ведь, такие художники, кому всегда лучше удаются листья, чем деревья. Вот и Ниггл: каждый лист он вырисовывал долго и старательно, так, чтобы не ускользнула его форма, чтобы передать его свет и блеск росинок на его края. Но как же ему хотелось нарисовать целое дерево, огромное дерево со множеством листьев, похожих, и все же разных, так, чтобы красота каждого листа была неповторима.

Особенно Ниггла беспокоила одна картина. Началась она с листа, сорванного ветром, и постепенно превратилась в дерево. Дерево росло, все шире раскидывая бесчисленные ветви, все глубже проникая в землю своими причудливыми корнями. Потом появились какие-то незнакомые птицы и уселись на ветках. О них тоже пришлось позаботиться. А потом вокруг дерева, и за ним, повсюду, начала открываться целая страна, и вскоре уже сквозь листья можно было разглядеть лес, протянувшийся от края до края, и вершины гор,

увенчанные серебристым снегом.

Ниггл совсем потерял интерес к остальным картинам, а некоторые из них он просто взял и приделал к краям этого холста. Вскоре картина стала такой огромной, что для работы Нигглу понадобилась лестница. Он сновал по ней вверх-вниз; там приходилось добавить один какой-нибудь штрих, тут убрать неудачный мазок.

Случалось, что кто-то заходил проведать Ниггла. Он казался спокойным и приветливым, вежливо слушал то, что ему говорили, и лишь все время перебирал карандаши, которые лежали у него на столе. Думал он о своей картине. Она стояла теперь в большом сарае, который Ниггл специально для нее построил в огороде, навсегда распростиившись с картофелем. Но, увы! Доброе сердце не давало ему житья. "Как бы я хотел быть более цельным", - говорил он себе иногда, имея в виду, что он хотел бы, чтобы люди не раздирали его на части со своими бедами и заботами.

Когда наставали спокойные дни, и Ниггла подолгу никто не тревожил, все виделось ему в радостном свете. "Ничего, уж эту картину я закончу, единственную мою настоящую картину, говорил он себе, бывало, - а там, что делать, придется отправиться в это проклятое путешествие". В глубине души он уже начинал понимать, что недолго осталось откладывать начало пути. Картине пора было перестать расти и начать принимать законченный вид.

Как-то Ниггл стоял перед холстом, отступив на несколько шагов, и пристально, почти беспристрастно, его разглядывал. Он совсем запутался и сам не знал, что о нем думать. Картина была никудышно написана, это верно, и все же, как она была прекрасна! Одна-единственная действительно прекрасная картина на всем белом свете.

Нигглу очень не хватало дружеского совета. А еще лучше, чтобы в комнату вошел он сам, похлопал бы его (то есть себя) по плечу и сказал (конечно, совершенно искренне): "Это же великолепно! Понимаю, дружище, понимаю. Кажется, я догадался, чего ты хотел добиться. Умоляю тебя, продолжай в том же духе и ни о чем не беспокойся. Мы будем хлопотать, чтобы тебе назначили пенсию, так что нуждаться тебе не придется".

Однако, пока что никакой пенсии у него не было. К тому же, он понял самое главное. Чтобы закончить картину хотя бы при ее нынешних размерах, ему придется хорошенъко сосредоточиться и работать, работать изо всех сил.

Итак, Ниггл закатал рукава и начал сосредотачиваться. Первые несколько дней он еще пытался не отвлекаться. Но... Бесполезно! Его постоянно прерывали. То случались какие-нибудь мелкие неполадки в доме, то надо было ехать в город и выступить там (о, ужас!) присяжным в суде, потом заболевал какой-нибудь знакомый, или у мистера Пэриша случался прострел, и он не мог шевельнуться. Не говоря уже о гостях: они просто появлялись один за другим. Была весна, и всем, конечно, хотелось попить чайку где-нибудь

на свежем воздухе. Например, у Ниггла, у него ведь чудесный домик за городом. Ниггл молча проклинал гостей на все лады, но все же не мог отрицать того, что сам их всех пригласил, еще тогда, зимой, когда он был совсем не прочь отвлечься, съездить в город за покупками, а заодно и навестить знакомых.

Суровое лицо не давало желаемого результата: иногда его не удавалось вовремя сделать, ну, а тогда, когда речь шла об обязанностях, беднягу просто никто не спрашивал. Один из гостей как-то раз намекнул Нигглу, что пора, мол, заняться садом, а то он совсем зарос, и как бы не пожаловал инспектор.

Конечно, никто ничего не знал о картине. Но, если бы и знал, что бы это изменило? Думаю, они не придали бы ей никакого значения. К тому же, она была отнюдь не мастерски написана, хотя удачные места там попадались. Особенно дерево: оно выглядело очень необычно, совсем ни на что не похоже. Это было единственное в своем роде дерево, так же, впрочем, как и его создатель, будь он хоть сто раз самым заурядным и даже довольно глупым человеком.

Прошло еще немного времени, и вот уже каждая минута стала для Ниггла бесценной. В городе начали потихоньку вспоминать, что за путешествие ему предстоит. Кое-кто уже прикидывал, кому достанется дом, приведут ли, наконец, в порядок сад, и сколько же, в конце концов, старина Ниггл будет тянуть с этим делом.

Наступила осень. Было сыро непрерывно дул ветер. Ниггл почти не выходил из своего сарая, все время проводя с картиной. Как-то раз он стоял на самом верху лестницы, пытаясь поймать отблеск заходящего солнца на одном из снежных пиков. Гора эта появилась совсем недавно, неожиданно выглянув из-за зеленой ветки дерева. Ниггл чувствовал, неотвратимо приближается час ухода (вот встречу новый год, а там...). Ему едва оставалось время закончить картину, да и то не целиком некоторые части придется только наметить.

Тут, конечно, раздался стук в дверь. "Войдите", - крикнул Ниггл в отчаянии, и полез вниз. Он стоял на полу, теребя в руках кисть, когда вошел Пэриш. Пэриш был единственный сосед Ниггла (все остальные жили далеко в городе), и все же порой Нигглу казалось, что и одного соседа больше, чем достаточно.

У Пэриша постоянно что-нибудь случалось, и он, конечно, нуждался в помощи. К тому же, он совсем не интересовался живописью, зато очень ревностно относился к садоводству. Когда Пэриш разглядывал сад Ниггла (а это случалось довольно часто), то он видел одни лишь сорняки, зато когда он смотрел на его картины (что бывало еще реже), то он ничего не видел, кроме каких-то бессмысленных черных полосок и серо-зеленых клякс. Пэриш

никогда не упускал случая напомнить соседу о сорняках, считая это своим долгом, а вот от разговора о картинах всегда уклонялся, и был при этом полностью уверен, что проявляет таким образом свое добре отношение.

Ему и в голову не приходило, что подобное отношение все же не совсем доброе, а, может быть, и совсем не доброе, и что было бы куда лучше помочь Нигглу прополоть сорняки и попытаться хотя бы чуть-чуть похвалить картины.

- Ну, что там у тебя еще стряслось, Пэриш?

- Не хотел тебе мешать, извини, - начал Пэриш, даже не подняв глаз на картину. - Ты, конечно, сейчас занят...

Что-то в этом роде Ниггл и сам собирался сказать, но он упустил момент. Теперь ему оставалось лишь утвердительно кивнуть.

- Но ты же знаешь, мне больше не к кому пойти.

- Да-да, конечно, - сказал Ниггл со вздохом, с одним из тех вздохов, которые хоть и не предназначаются для посторонних ушей, но произносятся почему-то всегда совершенно отчетливо. - Чем я могу тебе помочь?

- Да жена моя больна, вот уже несколько дней, и я что-то начинаю беспокоиться. Ветер сдул добрую половину черепицы с крыши, и вода так и хлещет в спальню. Надо бы позвать доктора. Да и мастеров уж заодно, хотя их пожалуй дождешься... Вот я и подумал, нет ли у тебя каких-нибудь досок и холста, чтобы забить дыру на крыше, может хоть денька два продержится. - И вот тут он, наконец, взглянул на картину.

- Боже мой, - воскликнул Ниггл, - тебе и впрямь не везет. Надеюсь, это всего лишь простуда. Я сейчас же пойду и помогу тебе перенести больную вниз.

- Благодарю, - заметил Пэриш, довольно холодно, - но это не простуда, это лихорадка. Я бы не стал беспокоить тебя из-за какой-то простуды. К тому же жена и так давно лежит внизу, не могу же я с моей ногой таскать вверх-вниз подносы. Но ты, я вижу, очень занят. Прости, что побеспокоил. Я-то, правда, надеялся, что ты не откажешься, видя, в каком я положении, съездить за доктором... ну а заодно и за рабочими, конечно, если у тебя совсем не осталось какого-нибудь ненужного холста?

- Нет-нет, конечно, не откажусь, - пробормотал Ниггл, хотя только что собирался сказать совсем другое. В этот момент его можно еще было назвать мягкоклеречным, но уж добросердечным - никак: доброты в его сердце и в помине не было.

- Что делать... раз ты так волнуешься...

- Очень волнуюсь, очень! И почему только я хромой?

Итак, Ниггл отправился за доктором. Отказаться было как-то неудобно. Все-таки Пэриш - его единственный сосед, а кругом ни души, и помочи просить не у кого. К тому же, у Пэриша нет велосипеда, а если бы и был, с его ногой все равно далеко не уедешь. Проклятая нога приносила Пэришу

много страданий, и об этом надо было помнить; да! Об этом надо было постоянно помнить, а заодно и о его вечно кислой физиономии и плаксивом голосе.

Теперь времени оставалось в обрез. Но нечего было и думать объяснить это Пэришу! Он все равно никогда бы не понял. Ниггл несколько раз чертыхнулся и выкатил во двор велосипед.

На улице было сыро, дул ветер, и дневной свет уже начинал тускнеть. "Сегодня больше не поработаешь", - подумал он с тоской. Во время пути Ниггл то бормотал что-то себе под нос, то вдруг ясно представлял вершину горы, и рядом тоненький зеленый побег, тот самый, что он увидел еще весной... Мазок ложился за мазком. Пальцы его сжимали руль велосипеда. Теперь, когда картины не было рядом, Ниггл наконец-то почувствовал, понял, каким он должен быть, этот лучистый побег, обрамляющий очертания далеких гор. Но что-то не давало ему покоя, и он смутно понимал, что это - страх; он боялся, что теперь уже не успеть.

Ниггл нашел врача. Ремонтная контора, правда, была закрыта - в такую погоду все сидели дома, поближе к огоньку, но зато он оставил мастерам записку. На обратном пути он промок до нитки и сильно простудился. К счастью, доктор поступил очень благоразумно: он не стал срываться с места, как некоторые, а приехал на следующий день, так что ему досталось сразу два пациента в соседних домах.

Ниггл лежал в постели. Его лихорадило. По потолку кружились листья, извивались ветви, и все это складывалось в удивительные узоры. К известию о том, что у миссис Пэриш всего лишь простуда и она уже начинает понемногу вставать с постели, Ниггл отнесся равнодушно. Он просто повернулся лицом к стене, и листья накрыли его с головой.

А ветер все дул и дул. Он снес много черепицы с дома Пэриша, да и с дома Ниггла, наверное, тоже, потому что крыша начала течь. Мастера так и не приехали. Первые несколько дней Нигглу было все равно. Потом ему захотелось есть, и пришлось вылезать из постели. За ним ведь некому было поухаживать. Жены у него не было. Пэриш тоже не мог зайти - от дождя у него сильно разболелась нога. Миссис Пэриш сновала по всему дому, вытирая там и тут лужи, и в душе ее росло подозрение: уж не забыл ли этот Ниггл зайти к мастерам. Надеялся она заполучить хоть что-нибудь полезное для ремонта крыши, она сразу же отправила бы мужа к соседу, даже если бы ему пришлось скакать на одной ноге. Но она уже не надеялась, а потому Ниггл был предоставлен самому себе.

Лишь к концу недели он кое-как доковылял до своего сарая, и даже попытался взобраться на лестницу, но от первого же шага у него закружилась голова. Тогда он просто сел и стал смотреть на картину. Но образы не приходили. Он ничего не видел - ни узоров из листьев, ни далеких гор...

разве что клочок пустыни на горизонте, но нарисовать он не смог бы сейчас даже его - не хватило бы сил.

На следующий день Нигглу стало гораздо лучше. Он кое-как вскарабкался на лестницу и стал писать. Однако, не успел он полностью погрузиться в работу, как раздался стук в дверь: "проклятье", - не выдержал Ниггл. Но это ничего не изменило. Он мог бы сказать, например, самое любезное: "войдите!", потому что дверь все равно открылась и на пороге появился очень высокий незнакомец. "Это частная мастерская", взорвался Ниггл, - и я занят! Оставьте меня в покое, в конце концов. Уходите!".

- Я - инспектор службы охраны зданий, - и незнакомец, вытянувшись вперед руку, показал свое удостоверение, так, чтобы Ниггл мог его разглядеть со своей лестницы.

- Ой! - Вырвалось у того.

- Дом вашего соседа находится в неудовлетворительном состоянии, - продолжал инспектор.

- Я знаю, - ответил Ниггл, - и уже давным-давно сообщил об этом в контору по ремонту зданий, но, видите, мастера так и не приехали. А потом я заболел.

- Понимаю. Но сейчас, насколько я вижу, вы здоровы.

- Но я же не мастер. Пэриш сам виноват. Надо было жаловаться в городской совет и просить помощи аварийной службы.

- В настоящее время аварийная служба занимается более серьезными разрушениями. Возможно, вам известно, что в долине было наводнение. Многие семьи остались без кровла. Вам надлежало самому помочь вашему соседу сделать мелкий ремонт и, тем самым предотвратить необходимость более дорогостоящих ремонтных работ. Таков закон. У вас здесь имеется масса строительных материалов: холст, дерево, водонепроницаемая краска.

- Где? - В недоумении спросил Ниггл.

- Здесь! - Инспектор указал на картину.

- Но это же картина!

- Да, это картина. Но дома охраняются в первую очередь. Таков закон.

- Но не могу же я...

Больше Ниггл ничего не успел сказать, потому что на пороге возник еще один человек. Он был очень похож на инспектора, ну, прямо двойник: такой же высокий, одетый во все черное.

- Собирайся, - сказал человек. - Я - проводник.

Ниггл слетел вниз с лестницы. Казалось, у него опять начался бред: его прошиб холодный пот и все поплыло перед глазами.

- Проводник... Чей проводник?

- Твой. И твоего вагона. Поезд ждет тебя. Ты и так слишком задержался. Но сейчас пора. Ты отправишься в путь.

- Этого еще не хватало, - воскликнул инспектор. - Да будет вам известно, что уходит, не приведя в порядок свои дела, неправильно, мало того, даже дурно. Но, по крайней мере, теперь мы сможем найти более полезное применение этому куску холста.

- Господи! - Только и смог прошептать Ниггл, и заплакал, - она ведь еще не закончена.

- Может и не закончена, - сказал проводник, - но все равно с ней покончено. Пошли!

И Ниггл пошел. Он был почти спокоен. Проводник не дал ему времени на сборы, сказав, что это следовало сделать заранее, а сейчас они торопятся. Уже в прихожей Ниггл все-таки прихватил маленький сверток, но в нем оказались лишь краски и альбом с набросками; ни еды, ни одежды там не было. Они успели как раз к поезду. Ниггл очень устал, и глаза у него закрывались сами собой. Он смутно осознавал, что его вталкивают в купе. Поезд тронулся. Он не понимал, куда едет и зачем, и не старался понять. Потом стало совсем темно - поезд вошел в туннель.

Когда Ниггл проснулся, в окно была видна большая, сумрачная станция. По перрону ходил носильщик и выкрикивал какое-то слово. Но это было не название места. Носильщик звал его: "Ниггл!"

Ниггл поспешил вышел на перрон, и тут же вспомнил, что оставил свой сверток в купе. Он оглянулся, но поезда уже не было.

"А, вот и вы, наконец, - сказал носильщик. - Идите за мной. Что?! Нет багажа! Ну, теперь-то вас точно отправят в исправительный дом.

Ниггл почувствовал вдруг, что он очень болен. В глазах у него потемнело, и он упал прямо на платформу. Его положили в машину и отвезли в исправительный дом, в изолятор.

Лечение Нигглу совсем не понравилось. Лекарство, которое ему давали, было нестерпимо горьким, а весь персонал строгим и неразговорчивым. Кроме них он не видел ни души. Иногда к нему приходил доктор, тоже очень строгий и мрачный. И вообще, все это куда больше напоминало тюрьму, чем больницу. В определенные часы он должен был работать: копать землю, плотничать или красить какие-то доски целиком в один и тот же цвет.

Гулять ему не разрешали, а все окна в больнице выходили во внутренний двор. Иногда его подолгу держали в темноте, часами, без перерыва; это у них называлось "дать время подумать". Вскоре Ниггл потерял счет дням. Лучше ему не становилось, конечно, если судить по его собственным ощущениям. Во всяком случае, теперь его ничего не радовало. Абсолютно ничего, даже отдыха.

Вначале, первые лет сто (я лишь передаю вам, как он чувствовал время), его посещало некое бесцельное беспокойство, и тогда он думал о прошлом. Лежа в темноте, он повторял про себя все те же слова: "если бы я

только зашел тогда к Пэришу, сразу после того, как начались эти ветры... Я ведь собирался... Мы вместе укрепили бы черепицу, и тогда миссис Пэриш не заболела бы, и я бы тоже не заболел. И тогда у меня бы осталась еще целая неделя."

Но со временем многое стерлось из его памяти, и он уже не мог вспомнить, зачем ему так нужна была эта "целая неделя". Беспокойство тоже пропало, его больше ничего не волновало - разве что работа в больнице. Теперь он все планировал заранее, прикидывая, сколько времени займет то или иное дело; как скоро, например, можно управиться с этой половицей, чтобы она не скрипела, или повесить новую дверь, или починить ножку стула. Наверное, теперь наконец-то о Ниггле можно было сказать, что он приносит пользу, но никто ему этого так и не сказал. И уж, конечно, не для "пользы" его так долго здесь держали. Они, скорее всего, просто ждали, когда ему станет лучше, а что такое "лучше" - об этом у них были свои собственные, медицинские представления.

Так или иначе, бедный Ниггл не ощущал теперь никакой радости жизни, ничего такого, что он раньше называл бы радостью. Развлечений у него было мало, что и говорить. Однако, в последнее время он начал испытывать неведомое доселе чувство - что-то вроде удовлетворения от того, что твоя синица сидит у тебя на ладони. Он начинал работу по звонку и по звонку же заканчивал. Кое-какие вещи он аккуратно откладывал в сторону, и там они ждали, когда придет время их доделать. За день он успевал очень много и прекрасноправлялся со всеми мелкими поручениями. Правда, теперь "время ему не принадлежало", но зато он стал "хозяином своего времени". Он начал понимать, чего оно стоит, время. И чего не стоит. Прежде всего, не стоит торопиться. К Нигглу пришел покой, и теперь в часы отдыха он мог по-настоящему отдыхать.

И вдруг все изменилось. Ему не давали больше плотничать, а заставляли все копать и копать, изо дня в день. Об отдыхе ничего было и думать. Ниггл принял это покорно. Лишь спустя долгое время, в памяти его стали всплывать обрывки тех проклятий, что он когда-то так часто произносил. Подумать только, он почти забыл их. Он копал, пока хватало сил нагнуться, копал пока кожа у него на ладонях не повисла лоскутами, и руки не стали кровоточить. Тут он почувствовал, что больше не может поднять лопату. Никто не сказал ему доброго слова. Появился доктор, и, окинув Ниггла взглядом, изрек: "Прекратить работу. Полный покой в темноте".

Ниггл лежал в темноте и полном покое, таком полном, что ни одна мысль и чувство не приходили к нему, и он едва ли мог сказать, сколько уже так вот лежит - несколько дней, или, может быть, лет? Вдруг он услышал голоса. Совсем незнакомые голоса. Он был уверен, что никогда не слышал их раньше. Похоже было, будто в соседней комнате собрался врачебный совет, или

заседает следственная комиссия, и голоса доносятся через неплотно закрытую дверь. Правда, света Ниггл не видел.

- Теперь разберем случай Ниггла! - Произнес один голос. Какой это был суровый голос, еще строже, чем у доктора.

- Что же с ним стряслось? - Спросил второй голос. Его можно было бы назвать нежным, но в нем не было мягкости. Там смешались и грусть, и надежда - это был голос вершителя судеб.

- Что же случилось с Нигглом? У него было прекрасное сердце!

- Но зато как оно плохо работало! Да и голова не многим лучше; он не слишком утруждал себя мыслями. Посмотрите, сколько времени он потратил зря, даже не на развлечения, а просто так. В путь он тоже не собрался как следует. И ведь мог бы кое-что приготовить, но нет! Явился сюда как последний оборванец, ну и нам пришлось обойтись с ним, как с нищим. Так что случай тяжелый. Думаю, ему придется здесь задержаться.

- Может быть, ему это и не повредило, - произнес второй голос. - Но, с другой стороны... он всего лишь маленький человек. Великие дела никогда не были его предназначением, на это у него не хватило бы сил. Давайте заглянем в записи. Смотрите! Кое-что здесь говорит в его пользу.

- Возможно, - отрезал первый голос. - Но, убежден, что ни один из этих аргументов не выдержит тщательного разбора.

- Давайте все же попробуем, - предложил второй голос. Ну, вот, к примеру. По природе своей Ниггл был художником. Не гением, конечно, но все же... Лист работы Ниггла не лишен своеобразной прелести. Вспомните, как он всегда бился над тем, чтобы листья вышли как можно более прекрасными, и все только ради них. Ему и в голову не приходило, что это возвышает его самого. Смотрите, здесь нет ни слова о том, чтобы он, например, делал вид, хотя бы даже перед самим собой, что это оправдывает его небрежность по отношению к вещам, установленным законом.

- Тогда ему не следовало бы быть столь небрежным, - сказал первый голос.

- И все же он всегда откликался на зов, - заметил второй.

- Далеко не всегда. В основном тогда, когда это не составляло для него особого труда. И при этом он еще все время жаловался, что его "отвлекают". Посмотрите сами! Записи так и пестрят этим словом вперемежку с разными дурацкими сетованиями и даже проклятиями.

- Да, это правда. Но бедняге тогда и в самом деле казалось, что его отвлекают. Зато он никогда не ждал никакой награды, как они ее там называют. Вот, например, случай Пэриша. Это тот, что поступил позже, сосед Ниггла. Он ведь ни разу для него палец о палец не ударил, а уж о благодарности и говорить не приходится. Но здесь нет ни слова о том, чтобы Ниггл ждал этой самой благодарности. Нет, у него и мысли такой не было.

- Да, это несомненно аргумент в его пользу, - сказал первый голос. -

Но все же недостаточно веский. Если хорошенко приглядеться, я думаю, обнаружится, что Ниггл чаще всего просто забывал об этом. Все просьбы Пэриша он считал досадным недоразумением, и тут же выбрасывал дело из головы, как только с ним было покончено.

- И все же, посмотрите, - настаивал второй голос, - вот последняя запись. Эта поездка в дождь. Я подчеркиваю: это самое настояще самопожертвование. Ниггл предчувствовал, что упускает последнюю возможность закончить картину. К тому же, он догадывался, что Пэриш зря так беспокоится.

- Не слишком ли вы сгущаете краски, - заметил первый голос. - Но, все равно, последнее слово за вами. Это ваше занятие, - выставлять все в лучшем свете. Иногда у вас неплохо получается. Итак, что вы предлагаете?

- Я думаю, настало время дать ему отдохнуть. Ему нужно успокоение.

Нигглу показалось, что никто еще не был к нему более щедр, чем этот голос. Когда он произнес "успокоение", Ниггла словно бы осыпали дивными дарами, или он получил приглашение на пир королей. Его совершенно ошеломило это "дать отдохнуть", и он почувствовал, как в абсолютной темноте лицо его заливает краска стыда. Так бывает, если вас вдруг похвалят во всеуслышанье, когда и вы сами, и все кругом знают, что похвала не заслужена. Ниггл поглубже зарылся в колючее одеяло. Было совсем тихо. Потом первый голос спросил его, прямо под ухом:

- Ты ведь все слышал?

- Да.

- Ну, и что ты на это скажешь?

- Пожалуйста, расскажите мне, что там с Пэришем. Я так по нему соскучился. Надеюсь, он не очень болен. Может быть, вы сможете заодно вылечить его ногу - она всегда причиняла ему столько мучений. И, пожалуйста, не надо о нас беспокоиться. Пэриш был очень хорошим соседом. Он продавал мне отличный картофель, и совсем недорого, а это, знаете ли, избавляет от стольких хлопот.

- Неужели? - Сказал первый голос. - Я рад за него.

Снова стало тихо. Потом Ниггл услышал, как голоса удаляются. "Хорошо, я согласен, - произнес первый голос, где-то бесконечно далеко. - Пусть отправляется до следующей станции. Хоть завтра!"

Когда Ниггл проснулся, жалюзи на окнах были подняты и его клетушку заливал солнечный свет. На стуле, куда он клал на ночь больничную форму, теперь лежала откуда-то взявшаяся удобная одежда. После завтрака к нему пришел доктор. Он намазал его кровоточащие ладони каким-то бальзамом, и раны сразу затянулись. На дорогу доктор дал ему пару добрых советов и (на всякий случай) бутылочку тоника. Потом Ниггла угостили пирожным и бокалом

вина, и вручили ему билет.

"Можете идти на станцию, - сказал доктор. - Там носильщик, он присмотрит за вами. Прощайте!"

Ниггл тихонько проскользнул через парадную дверь, и замер на пороге. Солнце ослепило его. Он ведь помнил лишь большую станцию, и думал поэтому, что очутился в таком же большом городе. Но все оказалось совсем иначе. Он стоял на вершине холма, голого, зеленого, обдуваемого пронзительным, пронизывающим ветром. Кругом никого не было. Внизу, у подножья холма, словно зеркало, сверкала на солнце крыша станции.

Медленными, широкими шагами Ниггл стал спускаться. Носильщик сразу узнал его. "Сюда, сюда!" и он провел Ниггла на платформу. Там стоял чудный маленький поезд - один паровоз и один вагончик. Оба так и сверкали - сразу было видно, что краска совсем свежая. Наверное, это было их первое путешествие. Да что паровоз! Даже пути перед ним, и те выглядели новенькими: рельсы сверкали, опоры под ними были покрашены в чудесный зеленый цвет, а шпалы издавали ни с чем не сравнимый запах свежей, разогретой солнцем смолы.

Вагон был пуст.

- Куда следует поезд? - Спросил Ниггл у носильщика.

- Не думаю, чтобы этому месту уже успели дать название. Но вам там понравится, - и он захлопнул за Нигглом двери вагона.

Маленький паровоз сразу же запыхтел, и Ниггл откинулся на спинку сиденья. Поезд шел по глубокой выемке, между двух ее зеленых боков, под голубой крышей неба. Прошло, казалось, совсем немного времени, и паровоз дал гудок, лязгнули тормоза, и поезд остановился. Вокруг не было ни станции, ни хотя бы таблички с названием места, лишь несколько ступенек вверх по зеленой насыпи, туда, где росла подстриженная живая изгородь. Поднявшись, Ниггл увидел калитку, а рядом свой велосипед, или, во всяком случае, совсем такой же. На перекладине калитки красовалось что-то вроде желтой этикетки, где большими черными буквами было выведено "Ниггл".

Ниггл распахнул калитку и вскочил на велосипед. И вот уже он несется вниз с горы, залитой весенним солнцем. Тропинка вскоре пропала, и Ниггл ехал по великолепному дерну. Он был зеленый, плотный, и все же можно было рассмотреть каждую былинку. Что-то подобное Ниггл уже видел раньше, а может быть лишь только мечтал об этой траве, океане травы? Изгибы местности тоже казались ему знакомыми. Да, вот здесь начинается спуск на равнину, а за ним опять подъем. Вдруг огромная зеленая тень заслонила ему солнце. Ниггл поднял голову, да так и свалился с велосипеда.

Перед ним стояло дерево, его дерево, совершенно законченное, если, конечно, так можно сказать о живом дереве. На нем распускались листья, ветки росли и гнулись на ветру, на том самом ветру, который Ниггл так

часто предчувствовал, предугадывал, но не мог передать. Теперь он смотрел на дерево, и руки его медленно поднимались, пока не раскрылись широко, словно бы для объятий.

"Это настоящий дар!" - вымолвил он, наконец, и это относилось к его таланту, и к завершению его трудов, хотя сам Ниггл употребил слово в буквальном значении.

Ниггл все смотрел и смотрел на дерево, и не мог оторваться. Здесь были все листья, над которыми он когда-то работал. И выглядели они точно, как он их задумал, а совсем не так как они получались на холсте. Среди этого множества листьев были и те, что успели распуститься только в его воображении, и те, кому даже на это не хватило времени. На их изысканной ткани не было ни слов, ни чисел, и все же даты читались, как в календаре. И что самое удивительное, он ясно видел, что некоторые, самые прекрасные листья (самые яркие представители его стиля), были созданы совместно с мистером Пэришем. Да-да по другому не скажешь!

Повсюду на дереве гнездились птицы. Удивительные птицы, как они чудесно пели! Прямо на глазах они откладывали яйца, выплывались, становились на крыло и улетали в лес, неся с собой свои дивные песни. Оказывается, и лес был здесь. Он тянулся далеко-далеко, и лишь совсем на горизонте виднелись очертания гор.

Ниггл посидел еще немного с деревом, а потом встал и направился к лесу. Он вовсе не устал от дерева, нет! Просто ему больше не надо было на него смотреть, он словно вобрал дерево в себя целиком и чувствовал теперь рост каждой его веточки. Итак, он пошел к лесу, и вскоре обнаружилась одна странная вещь. Лес ведь находился в отдалении, и все же к нему можно было приблизиться и даже войти в него, а он не терял своей удаленности. Никогда еще раньше Нигглу не удавалось войти в отдаленность, чтобы она при этом не превратилась в обычные окрестности. Представляете, как интересно было гулять по этой стране. Вы шли, а перед вами открывались все новые и новые дали; вот появлялся второй, третий, четвертый план, вдвое, втрой, вчетверо прекраснее. Вы все шли и шли, и весь мир был у вас на ладони (или на картине, если вам так больше нравится). Хотя, везде есть свои границы. Вот и здесь. Горы, хоть и медленно, но все-таки приближались. Казалось, они были не частью картины, а лишь переходом к чему-то иному, неизведанному, лишь проблеском следующей ступени - другой картины.

Ниггл ходил без устали, заглядывая во все уголки, но он не просто слонялся. Он внимательно все изучал. Дерево оказалось закончено, а значит, вовсе с ним не было покончено. "Вот как получилось-то, совсем наоборот", - подумалось ему. Зато в лесу оставалось над чем поразмыслить, к чему приложить руки. Ничего лишнего или неверного он не замечал, зато нашел очень много незавершенного. А главное: он теперь ясно видел, какое где

потребуется завершение.

Спустя некоторое время, Ниггл присел отдохнуть под одним очень красивым, отдаленным деревом. Оно было чем-то похоже на то его дерево, но все же совсем другое, особенное... Хотя нет, пожалуй, ему чуть-чуть не хватало индивидуальности. Оно явно требовало внимания. Ниггл принял размышлять о том, с чего начать работу, чем закончить, и сколько на это уйдет времени, но что-то не давало ему принять окончательное решение.

"Ну, конечно! - Воскликнул он, наконец. - Пэриш! Вот кого мне не хватает. Он ведь о земле, деревьях и разных там растениях знает много такого, о чем я никогда и не слышал. В конце концов, здесь не мой личный парк. Без помощи и совета мне не обойтись. Давно было надо об этом подумать".

Он встал и направился на то место, с которого решил начинать работу. Он уже снял куртку, и вдруг остановился. Внизу, в маленькой, укрытой со всех сторон ложбине, откуда не видно было никаких вторых и третьих планов, стоял человек. Он опирался на лопату и смотрел по сторонам в совершенной растерянности, явно не зная, что ему делать. Ниггл окликнул его: "Пэриш!"

Пэриш взвалил лопату на плечо и подошел к нему. Он все еще немного прихрамывал. Они молча кивнули друг другу, совсем как раньше, когда встречались на тропинке между двумя живыми изгородями. Только на этот раз оба пошли в одну сторону, рука к руке. Слова им были не нужны. Они молча договорились о том, где лучше построить домик, а где разбить сад. Этим нужно было заняться в первую очередь - и того, и другого здесь так не хватало. Во время работы выяснилась еще одна интересная вещь: из них двоих Ниггл теперь куда лучше рассчитывал время и все организовывал, он прямо таки с головой ушел в строительство. Пэриш, напротив, внимательно всматривался в то, что его окружало, подолгу разглядывал деревья. Особенно часто он приходил к дереву.

Как-то раз Ниггл сажал живую изгородь, а Пэриш лежал рядом, вытянувшись на траве, и смотрел, не отрываясь, на маленький цветок, что рос из зеленого дерна. У цветка была удивительная, совершенная форма. Когда-то давно Ниггл не один такой цветок нарисовал среди корней дерева. Внезапно Пэриш поднял глаза: лицо его было залито солнечным светом. Он улыбался.

- Как здесь чудесно! Знаешь, Ниггл, я не стою всего этого. Если бы ты тогда не замолвил за меня словечко...

- Чепуха! - Отмахнулся Ниггл. - Не помню, что я там сказал, но, наверняка, этого было совсем не достаточно.

- Да, нет, как видишь, этого хватило. Они выпустили меня гораздо раньше. Тот, второй голос, помнишь? Это он меня сюда послал. Он сказал, что ты хотел меня видеть. Значит, всем этим я обязан тебе.

- Не мне, а второму голосу. Мы оба ему обязаны.

Так они и жили - вместе, и вместе строили. Не могу вам точно сказать, сколько прошло времени. Поначалу, что греха таить, им случалось и повздорить, особенно, когда они уставали, а иногда они все-таки уставали. Оказалось, что оба получили в дорогу по бутылке с тоником. Бутылки были совсем одинаковые - на каждой наклейка: "Принимать по несколько капель перед сном. Разбавить водой источника".

Источник они нашли в самом сердце леса. Ниггл задумал его когда-то давным-давно, но нарисовать так и не успел. И вот теперь оказалось, что источник питает большое озеро, то самое, что сверкало почти у горизонта, а, значит, и каждую травинку, которая росла в долине.

От этих нескольких капель вода становилась горькой и вязала рот, но зато у них прибывало сил и светлела голова. Выпив по целому стакану, они ложились отдохнуть, а когда снова принимались за работу, все получалось на удивление быстро и весело. В такие моменты Нигглу особенно хорошо придумывались красивые новые цветы и разные растения, а Пэриш сразу же решал, куда их лучше всего будет посадить. Нужда в бутылках с тоником отпала задолго до того, как они опустели. Пэриш перестал хромать.

Работа подходила к концу. Теперь они частенько позволяли себе побродить, полюбоваться деревьями и цветами, подумать о цвете и форме и просто о том, что к чему. Иногда они пели, тоже вдвоем. И все же, Ниггл невольно все чаще и чаще смотрел в сторону гор.

И вот пришло время, когда дом в ложбине, сад, трава, лес, озеро, да и вся страна стали наконец такими, какими должны были быть - совсем особенными, единственными в своем роде. Дерево стояло все в цвету.

"Сегодня вечером мы закончим работу, - сказал Пэриш однажды.

- Давай после этого отправимся в небольшое путешествие".

Они вышли в путь на следующее утро, и, пройдя сквозь второй, третий, четвертый план, добрались, наконец, до границы, или, лучше сказать, до грани страны. Ничто, казалось, не говорило об этом; тут не было ни черты, ни стены, ни ограды, и все же они поняли, что здесь страна кончается. Навстречу им со стороны гор по поросшим травой склонам спускался человек. Он был похож на пастуха.

"Буду рад сопровождать вас, - сказал он, подойдя поближе. - Если вы, конечно, собираетесь продолжать путь".

На мгновение между ними словно бы легла тень. Ниггл понял, что теперь он пойдет дальше, что он просто должен идти, Пэриш же не был к этому готов и очень хотел остаться.

- Я лучше подожду мою жену, - сказал он Нигглу. - А то ей будет одиноко. Чувствую я, что и она попадет сюда вслед за мной, когда придет ее время, и когда я буду готов ее встретить. Дом теперь закончен, все, что

могли, мы сделали, и уж больно мне хочется показать его ей. Она мигом наведет там уют и порядок. Да и вообще, ей должно здесь понравиться. Тут он обернулся к пастуху.

- Скажите, вы то хоть должны знать, как она называется, эта страна?

- Страна Ниггла. Разве вы не знали? Ведь это картина Ниггла, во всяком случае, большая часть. А недавно здесь появился еще сад Пэриша.

- Картина... - Пэриш был ошеломлен. - Выходит, ты все это нарисовал, еще тогда... Никогда бы не подумал. Что же ты мне раньше не сказал?

- Он пытался, - ответил за Ниггла пастух. - Давным-давно. Но вы не обращали внимания, и даже собирались залатать этим холстом крышу. Вы ведь с женой называли картину не иначе как "Ниггловские штучки", или попросту "мазней".

- Но тогда все было какое-то не настоящее.

- Конечно, ведь это был только проблеск. Но любой проблеск можно уловить, стоит чуть-чуть постараться.

- Я сам виноват, - вмешался Ниггл. - Я ничего тебе толком не объяснил. Знаешь, я ведь иногда называл тебя старым кротом. Но сейчас это не имеет значения. Мы столько повидали, столько сделали вместе. Может, все могло бы повернуться по-другому, но зачем? Ведь и так хорошо, правда? Ну, а теперь мне пора. Прощай! Я знаю, мы еще встретимся, и уж, наверное, кое на что сгодимся.

Так они простились. На мгновение Ниггл обернулся - на дереве расцвел огромный цветок, яркий, словно пламя. Все птицы кружили в воздухе и пели. Он улыбнулся, кивнул Пэришу и пошел вперед вслед за пастухом.

Ему предстояло многое узнать: о высокогорных пастбищах, об овцах и о том, каким безбрежным бывает небо. Он все выше и выше поднимался по склонам холмов, постепенно приближаясь к горам. Не знаю, что с ним стало потом. Сидя в своем старом доме, маленький Ниггл смог предугадать очертания гор, и так они попали на его картину. Но вот какие они на самом деле, горы, и что ожидает нас за ними - об этом могут рассказать лишь те, кто достиг их вершин.

- А я считаю, никудышный он был человек, - сказал Томпкинс, член городского совета. - Совершенно бессмысленный. Ну какую, к примеру, пользу он принес обществу?

- Право, не знаю, - ответил Аткинс (школьный учитель, не самая влиятельная личность в городе). - Я бы не стал судить столь категорично. Ведь все зависит от того, что считать пользой.

- Польза - эта польза, практическая, экономическая, в конце концов. Вероятно, даже подобных граждан можно было бы как-нибудь использовать, если бы кое-кто в наших школах получше исполнял свой долг. Но где там! А в результате общество получает совершенно бесполезных людей. Управляй я этой

страной - я бы заставил людей такого сорта заниматься тем, на что они годятся - например, мыть посуду где-нибудь на общественной кухне. И уж будьте спокойны, я проследил бы, чтобы они выполняли все, как следует. В противном случае их бы устранили. В частности, его следовало бы устраниить.

- Устраниить? Что вы имеете в виду? Вы отправили бы его в путь раньше, чем пришло его время?

- Да, именно так, выражаясь вашим дурацким устарелым языком. Я спустил бы его вниз по мусорной трубе - прямо на свалку! Вот что я имею в виду.

- Значит, вы считаете, что живопись ничего не стоит, ни на что не годится, что ее не надо сохранять, совершенствовать?

- Нет, живопись кой-чего стоит, только не эта мазня. Активные, молодые ребята, если они не боятся современных идей, стилей, всегда найдут где развернуться. Но не этот же старый идиот со своими снами наяву. Да напиши он хоть один приличный, впечатляющий плакат - было бы о чем говорить. Но нет, он все время забавлялся со своими цветочками и листочками. Я как-то спросил у него, что он в них находит. Знаете, что он ответил?! - "Они красивые!" "Что?" - Спросил я, - органы пищеварения и размножения растений?" Он даже не знал, что на это сказать. Старый болтун!

- Болтун... - Вздохнул Аткинс. - Да, бедняга так и ничего и не закончил. Что ж, теперь, когда его нет, холсты нашли "более полезное применение", но лично я, Томпкинс, отнюдь не уверен, что оно "более полезно". Помните одну большую картину... Ею потом заделали дыру на крыше соседнего дома, после той бури и наводнения. Так вот, я нашел кусочек этого холста. Он, наверное, оторвался, и лежал прямо на земле. Конечно, живопись сильно пострадала, но все же можно было разглядеть горную вершину и ветку дерева. И вы знаете, с тех пор все эта картина у меня из ума не идет.

- Простите, из чего?

- О ком это вы тут беседуете? - вмешался Пэркинс. Самое время было разрядить обстановку, а то щеки у Аткинса так и пылали.

- Это имя не стоит того, чтобы его упоминать, - отмахнулся Томпкинс. Сам не знаю, что это мы о нем вспомнили. Он жил не в нашем городе.

- Да, это верно, он жил за городом, - не выдержал Аткинс... Но, тем не менее, его дом не давал вам покоя. Поэтому-то вы и мотались туда-сюда, заходили якобы на чашечку чая, а сами над ним же и глумились. Ну, теперь вы довольны? Заполучили его дом в дополнение к своему собственному! Так что давайте оставим ему хотя бы имя. Мы говорили о Ниггле, Пэркинс, если вас это интересует.

- А-а, бедняга Ниггл! Кто бы мог подумать! Оказывается, он умел рисовать.

Вот так, пожалуй, в последний раз было упомянуто имя Ниггла. Правда, Аткинс сохранил этот странный обрывок холста. Краска на нем почти вся осыпалась, и лишь один прекрасный лист остался невредим. Аткинс оправил его в рамку и завещал городскому музею, где тот и провисел долгое время в уголке, с табличкой "Лист. Работа Ниггла". Кое-кто даже успел его заметить. Но потом музей сгорел, и о листе, а также и о Ниггле в этой милой стране все позабыли.

- Подумать только, сколько она приносит пользы, - сказал второй голос. - Там можно и отдохнуть, и восстановить силы, а ведь это так способствует выздоровлению. Но вы знаете, что самое главное: для многих это как бы первая ступень, начало познания гор. В некоторых случаях она оказывается просто чудодейственным средством. Сколько я туда посылаю - и никого не приходится возвращать назад.

- Что верно, то верно, - сказал первый голос. - Не пора ли, однако, дать стране название. Что бы вы предложили?

- За нас уже все решил носильщик. "Поезд до Нигглпэриш подан!" вот что он кричит теперь на станции. Нигглпэриш! Я послал им весточку, рассказал об этом.

- Ну, и что они?

- Рассмеялись. Так хотели, что эхо еще долго гуляло потом по горам!